А.Г. Ваганов

**РЕФОРМА АКАДЕМИИ НАУК:
ПРОЩАНИЕ СО СТРАТЕГИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ**

DOI: 10.31249/scis/2019.00.05

Аннотация. В работе дается хронология основных этапов реформы академической науки в России (2013–2019). Предложена реконструкция основных мотивов государственной и политической властей России, подтолкнувших их к реформе Академии наук. Сделан вывод, что основная цель реформы была – лишить Российскую академию наук ее субъектности при формировании программы и проведении фундаментальных исследований. Академия, лишенная своих исследовательских институтов, была превращена в «клуб ученых» с некоторыми экспертными функциями. К началу 2019 г. руководство Российской академии наук уже и формально подтвердило свой новый статус-кво. Однако новой эффективной формы институализации науки в России за пять лет реформы так и не было предложено.

Abstract. The paper provides a chronology of the main stages of the reform of academic science in Russia (2013–2019). Proposed reconstruction of the main motives of the state and political authorities of Russia, which pushed them to reform the Academy of Sciences. It was concluded that the main goal of the reform was to deprive the Russian Academy of Sciences of its subjectivity in the formation of the program and the conduct of basic research. The Academy, deprived of its research institutes, was turned into a «club of scientists» with some expert functions. By the beginning of 2019, the leadership of the Russian Academy of Sciences has already formally confirmed its new status quo. However, a new effective form of institutionalization of science in Russia during the five years of reform was never proposed.

Ключевые слова: Российская академия наук; реформа; государственная научно-техническая политика; экспертиза; стратегический субъект; рефлексивное управление.

Keywords: Russian Academy of Sciences; reform; state scientific and technical policy; expertise; strategic entity; reflexive control.

27 июня 2013 г. заседание правительства РФ совершенно неожиданно началось с заявления премьер-министра Дмитрия Медведева о том, что будет рассмотрен подготовленный правительством законопроект о реформе системы российской академической науки. Подробности того, что ожидает российскую академическую науку, сообщил министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов. По его словам, «в РФ создается основанное на членстве общественное государственное объединение “Российская академия наук”». В новую академическую мегаструктуру «сливались» Российская академия наук (РАН), Российская академия сельскохозяйственных наук (РАСХН) и Российская академия медицинских наук (РАМН).

Реформа – переворотом

Произошло событие, о котором с начала 1990-х годов говорили, но в реальность которого не очень-то верилось: академическая наука в лице трех своих ведущих академий приобрела статус общественной организации, клуба выдающихся ученых. С декабря 1991 г. именно против этого всеми возможными способами боролся бывший президент РАН Юрий Осипов. Почти четверть века ему удавалось отводить эту «угрозу превращения академии в клуб». В конце мая 2013 г. новым президентом РАН выбран академик Владимир Фортов. Было очевидно, что на его президентство достанется еще более трудный временной отрезок. Но никто не рассчитывал, что так быстро...

Согласно первому варианту законопроекта, Российская академия наук подлежала фактической ликвидации (упразднению). За нею оставляли, по сути, лишь функции клуба ученых – «общественное государственное объединение “Российская академия наук”».

28 июня 2013 г. правительство РФ внесло в Госдуму РФ проект федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Первый, самый радикальный вариант законопроекта удалось несколько смягчить и откорректировать благодаря авторитетному академическому лобби – академикам Евгению Примакову, Жоресу Алферову, президенту РАН Владимиру Фортову. Слова о ликвидации РАН были исключены. (Однако, как справедливо отмечала в 2014 г. эксперт в области государственной научно-технической политики (ГНТП), доктор экономических наук Ирина Дежина, «в 2013 г. в результате молниеносной реформы Академия прекратила свое существование в прежнем историческом виде, утратив основную часть своих функций и привилегий».)

Для управления имуществом РАН предполагалось создать специальный орган – Агентство научных институтов РАН. Планировалось передать этому агентству те научные организации, которые подчинялись на тот момент РАН, РАМН и РАСХН. То есть академиков отделили от распределения денег на научные исследования, от бюджетного процесса. Имущество это, надо сказать, огромное. В РАН, например, входило на тот момент 436 научных институтов и организаций, в которых работало 48 тысяч только научных сотрудников.

25 июля 2013 г. нобелевский лауреат, академик Ж.И. Алферов обратился к президенту РФ Владимиру Путину с открытым письмом (далее цитирую по агентству Интерфакс): «Предложенный “в пожарном порядке” закон о реорганизации РАН и других государственных академий наук “отнюдь не решает задачу повышения эффективности научных исследований”, говорилось в послании Алферова... Алферов считал также абсолютно надуманным объединение РАН с Российской академией медицинских наук и Российской академией сельскохозяйственных наук. “Проводя его, мы только разрушим нормальную работу всех трех, а организация взаимодействия и совместных исследований вовсе не требует этой реорганизации”, – говорится в письме. По мнению ученого, “абсолютно надуманны и не имеют смысла” и тезисы о том, что организация РАН соответствует 30–40 годам прошлого столетия и не соответствует XXI веку».

18 сентября 2013 г. правительственный законопроект был принят Госдумой в третьем, окончательном чтении.

27 сентября 2013 г. президент РФ Владимир Путин подписал закон о реформе РАН. Одновременно подписан указ президента РФ «О Федеральном агентстве научных организаций». «Руководство деятельностью Федерального агентства научных организаций осуществляет правительство Российской Федерации; руководитель

Федерального агентства научных организаций назначается на должность правительством Российской Федерации по согласованию с президентом Российской Федерации», – говорилось в документе.

Авторы академической реформы, – кстати, до сих пор по-именно и официально не названные, – похоже, действовали согласно известному с 1968 г., родившемуся во время студенческих волнений в Париже лозунгу: «Будьте реалистами – требуйте невозможного!» В итоге, пожертвовав вроде бы «пешкой» (явно провокационным требованием ликвидации РАН), реформаторы науки приобрели новое «качество» – Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). Именно в его ведение переданы были все научные институты и организации РАН, со всем их имуществом.

Подразумевалось, что агентство будет обеспечивать всю финансово-хозяйственную часть деятельности институтов академии, а собственно РАН – научное и методическое руководство институтами. Все решения, касающиеся деятельности институтов, должны приниматься на основании так называемого принципа «двух ключей».

Причем изначально, под телевизионные камеры, президент РФ Владимир Путин предложил возглавить ФАНО действующему президенту РАН Владимиру Фортову. И, опять же – под ТВ-камеры, академик Фортов дал согласие. Но что-то не «срослось» в хитросплетениях околonaучных интриг, в борьбе противоборствующих групп влияния. В итоге ФАНО возглавил квалифицированный финансист, хотя и без ученой степени, заместитель министра финансов РФ Михаил Котюков.

Идея освободить ученых от «ЖКХ и бухгалтерии» выглядела, в общем-то, разумно. (Хотя, заметим в скобках, еще никто не смог обосновать априорную эффективность устранения ученых от распределения средств на науку). Сколько бы академики ни говорили, что принятый в 2013 г. закон стал для них полной неожиданностью, «реформой-переворотом», власть фактически никогда не скрывала своих намерений сделать более прозрачными финансовые потоки, идущие через академические структуры (прежде всего – через Российскую академию наук).

С другой стороны, в законе «О Российской академии наук...» была закреплена давно лелеемая претензия РАН на статус «главного экспертного органа правительства России»: «Российская академия наук осуществляет свою деятельность в целях... экспертного научного обеспечения деятельности органов государственной власти, научно-методического руководства научной и научно-

технической деятельностью научных организаций и образовательных организаций высшего образования». Казалось бы, надо только радоваться...

Однако совершенно неожиданно (или, наоборот, очень ожидаемо) Академию наук отделили не только от распределения средств из бюджетного потока (если не считать, 2018 г., 1,5 млрд рублей на программы фундаментальных исследований Президиума РАН, плюс 4 млрд рублей бюджетных средств на стипендии академиков и членов-корреспондентов, оплату содержания принадлежащих РАН зданий, зарплату сотрудникам аппарата Президиума РАН, оплату экспертизы, издательскую деятельность), но и собственно от науки. Функцию определения перспективных исследований, достойных финансирования, взяло на себя ФАНО. «Мы анализируем, как работают наши организации, – это наша прямая обязанность», – заявлял в 2014 г. руководитель ФАНО М.М. Котюков.

Агентство быстро освоилось с ролью научного (sic!) руководителя академических институтов. Бывших академических институтов. Исследовательские организации РАН теперь обязаны были отчитываться перед Экспертно-аналитическим управлением ФАНО.

Академик Гермоген Крымский, на протяжении многих лет возглавлявший Институт космофизики РАН, в интервью агентству YAKUTIA.INFO в 2016 г. резюмировал: «Многие не знают, что в ведение ФАНО была передана не только хозяйственная деятельность институтов, но и институты сами. То есть управляет не только имуществом институтов, а самими институтами... <ФАНО> способно оценивать работу институтов и, исходя из этих оценок, определять их судьбу. ФАНО может также объединять институты, чем уже и занимается, и распределять их по разным категориям. А от этого зависит финансирование. Например, третья категория не финансируется государством вообще...

Там сложный механизм оценки, но дело даже не в этом. А в том, что работать в ФАНО пришли люди не из науки. Его руководитель Михаил Котюков – это бывший замминистра финансов... И набрал он к себе таких же людей. И они управляют нами (исследователями из Академии наук. – *А.В.*). Но как они могут это делать, не понимая существа деятельности научных организаций? И они делают это при помощи цифр. И вот они выработывают разные способы цифровой оценки... Индекс Хирша, например, который показывает, насколько та или иная публикация

цитируется. Это неплохой показатель, но его нельзя поставить критерием общей оценки работы. Альберт Эйнштейн, например, точно бы проиграл, если бы его научные изыскания оценивали таким способом. Поэтому нужно понимать деятельность, а не смотреть на цифры.

Но решения в ФАНО принимают на основе цифр. А принцип “двух ключей”, который предполагает со стороны Академии наук консультирование и рекомендации, для ФАНО не работает. И у них есть силы, которые отрицают контакты с Академией наук. И даже Владимиру Фортову не удастся наладить этот контакт. В ФАНО продолжают оперировать цифрами».

Академический фантом

Но главным в деятельности ФАНО было даже не то, что агентство – непонятно на каких основаниях – изначально считало себя одним из главных субъектов формирования государственной научно-технической политики. Главное – в другом: своей деятельностью ФАНО, вольно или невольно, разрушало субъектность единственной и последней организации, которая могла выражать консолидированное мнение научного сообщества – Российской академии наук. Возможно, это и было главной целью людей, инициировавших реформу.

Дело в том, что до сих пор любая политика у нас, в том числе и государственная научно-техническая политика, рассматривается в терминах субъект-объектного взаимодействия. Для субъекта ФАНО объектом стала Академия наук. Отсюда – и фетишизация библиометрических показателей в деятельности ученых, и стремление свести принципиально несводимую к чисто цифровым показателям фундаментальную науку к «бухгалтерскому отчету». Объект безмолвен и пассивен, из него можно «лепить», что душа (или премьер-министр) пожелает – мечта эффективных менеджеров!

Правительственные и политические структуры, ответственные за формирование государственной научно-технической политики (ГНТП) в стране, не могут понять, что управление «инновационным развитием», о котором мы слышим с самых высоких трибун, само по себе возможно только тогда, когда существует «хороший стратегический субъект» (определение доктора психологических наук В.Е. Лепского [6, с. 36, 37]). Другими словами, когда реализуется субъект-субъектная схема управления (так на-

зываемая концепция рефлексивного управления, сформулированная в конце 1960-х годов советским психологом и антропологом, перебравшимся затем в Калифорнийский университет, Владимиром Лефевром).

Прикладная наука потеряла свою субъектность еще в 1990-е годы прошлого века. Ее, прикладной науки, просто не стало. Вузовская наука, на которую делают ставку в последнее десятилетие, опять же вся «заточена» на повышение индекса Хирша как самого важного показателя эффективности научных исследований. (Кстати, заметим, мировая статистика свидетельствует: меньше 1% научных публикаций находит сколько-либо значительный круг читателей).

До 2013 г. только Российская академия наук, несомненно, оставалась стратегическим субъектом ГНТП. Поэтому, кстати, и нет ничего удивительного в том, что за период 1990–1998 гг. в численности занятых исследованиями и разработками доля академического сектора повысилась в 1,7 раза (с 9,9 до 17,1%), а в численности исследователей и техников – в 2 раза (с 10,0 до 19,9%). В начале 1999 г. в РАН было сосредоточено 57% всех докторов наук и 40,7% кандидатов наук.

По образному выражению Сальвадора Дали, «жить – это, прежде всего, участвовать». Политика, проводившаяся ФАНО в отношении Академии наук, как раз и направлена была на то, чтобы максимально лишить этой возможности академию. Объект, не сформировавший (или которому не дали сформировать) собственную субъектность, обречен. Нет субъекта политики – некому в ней и участвовать. И примеров распыления, расщепления, энтропийного «выдоха» субъектности РАН за годы реформы накопилось больше, чем достаточно. Впрочем, в истории науки прецедентов такого рода тоже много. Например, в эпоху Французской революции XVIII в. Последний год существования Академии наук в Париже в то время совпал с первым годом Республики. 8 августа 1793 г. в Конвент Республики внесен законопроект, первая статья которого звучала так: «Все академии и привилегированные или содержащиеся на средства нации литературные общества упраздняются». Конвент одобрил эту статью. 14 августа, усилиями выдающегося французского химика и директора академии Антуана Лорана Лавуазье, был принят «смягчающий» декрет: академикам разрешили собираться в их обычном месте, в Лувре, и сохранили за ними жалованье. Но когда обрадованные академики пришли

17 августа на свое очередное заседание, помещение оказалось опечатанным.

«За три недели до этого в зале заседаний в Лувре были сняты все ковры и картины, а также удалены все другие предметы роскоши, напоминавшие о старом режиме, – пишет историк науки, доктор химических наук Игорь Дмитриев. – Но у академиков еще теплились надежды, точнее, иллюзии, что они нужны революционной власти, и 7 августа, сидя в помещении с голыми стенами, они спокойно обсуждали мемуар Ф. Лаланда о движении звезд» [4, с. 204].

То, что сегодня происходит с Российской академией наук, иногда до мелочей повторяет французский сюжет двухсотлетней давности.

В 1990 г. в сборнике «Научно-техническая политика: проблемы формирования и реализации», изданном Институтом экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР, был опубликован любопытный прогноз. Вот выдержка из него.

«Важнейшей целью научно-технической и структурно-инвестиционной политики второй половины 90-х годов явится создание мощного и мобильного инновационного потенциала, который должен охватить и взаимоувязать крупные звенья сферы НИОКР, высшего образования и инвестиционного комплекса, прежде всего машиностроения. Его задача – генерировать и воплощать в технике и технологиях нововведения, обеспечивать их ускоренную реализацию в народном хозяйстве.

К концу этого периода в результате экономической нормализации производства, возникновения устойчивого спроса на нововведения и укрепления в этой связи прикладной науки государственная научно-техническая политика сконцентрируется прежде всего на обеспечении широкого фронта фундаментальных исследований и поддержке долгосрочных, ресурсоемких и рискованных направлений совершенствования технологий» [7, с. 50].

Сегодня нам с вами легко иронизировать по поводу точности авторов этого прогноза, сделанного почти 30 лет назад. Но этот текст наталкивает на мысль о неких циклах в постоянной попытке реформировать науку в России. Длительность этих циклов – 18–20 лет.

Так, в 1961 г. партийное руководство СССР и правительство СССР принимают постановление, в соответствии с которым из Академии наук СССР были переданы в различные отраслевые министерства и ведомства значительная часть учреждений и занятия

в них научные работники – 92 учреждения с общей численностью сотрудников более 20 тысяч человек. Это составило почти половину всех научных учреждений АН СССР и одну треть численного состава ее сотрудников. На академию возлагалось руководство теоретическими исследованиями в области естественных и общественных наук в стране, и в то же время академия освобождалась от отраслевой научно-технической тематики. Но в начале 1980-х, с целью повышения качества научно-технических исследований и разработок, целому ряду крупных научных институтов технического профиля был возвращен академический статус, и они вновь вошли в состав АН СССР...

И недавний прецедент. В марте 2016 г. решением правительства РФ к Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ) присоединен Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). Напомним, РФФИ был основан в 1992 г. Через два года, вследствие специфики гуманитарных исследований, из состава РФФИ была выделена отдельная структура – РГНФ. То есть все те же 20 лет между реорганизациями.

Возможная логика реформы

Вообще, такие повороты, развороты и перевороты, как начавшаяся *de jure* с 27 сентября 2013 г. реформа Российской академии наук, неминуемо приводят к периоду управленческой турбулентности. Как показывает история науки, именно в таких зонах турбулентности и начинает работать «инициатива снизу» (или, как скажут сейчас, «креативный потенциал»), возникают и исчезают новые институции, уходят в небытие старые лидеры, в информационном поле появляются новые лидеры общественного мнения. Последним, впрочем, тоже никто не гарантирует постоянного статуса ньюсмейкера. Так было с Академией наук в 1917 г., так произошло и в 2013-м.

Фундаментальные претензии представителей Российской академии наук к правительственному закону «О Российской академии наук, реорганизации российских академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – внезапность, спонтанность, абсолютная непроработанность и, главное, историческая и общественная немотивированность этого документа.

Высказано соображений на эту тему было много. Приведу два.

Вице-президент РАН, академик Сергей Алдошин: «Проект федерального закона готовился без участия научного сообщества, он не был согласован с Российской академией наук, с прочими академиями, с профильными министерствами – он просто был внесен в правительство... Конечно, всех удивляет способ подготовки такого документа без обсуждения, без рассмотрения на Совете по науке при президенте» [1].

Постановление Общего собрания Отделения математических наук РАН (1 июля 2013 г.): «Отделение математических наук РАН, рассмотрев законопроект “О Российской академии наук...”, подготовленный правительством Российской Федерации, считает, что его внесение в Государственную Думу – опасная авантюра. Представленный документ неприемлем ни в каком виде и в перспективе приведет к разрушению научного потенциала, ослаблению жизнеспособности и обороноспособности страны».

И все-таки в абсолютный волюнтаризм, алогичность государственной власти, предпринявшей академическую реформу, не хотелось верить. Ни тогда, ни сейчас. Рациональные основания реформы в 2013 г. могли бы, на мой взгляд, выглядеть так...

Академия – обанкротившаяся корпорация, которая ничем, кроме своих специальных интересов, не озадачена, не представляет уже ни интересов науки, ни интересов государства. Без устранения академии ничего изменить нельзя. Особенно в условиях, когда более или менее дееспособные остатки этого научного комплекса надо переориентировать на военно-промышленный комплекс (в связи и с мировыми политическими процессами, и внутренней социально-экономической ситуацией в стране – падение промышленного производства, скатывание в рецессию, падение уровня внутреннего потребления в стране и проч., и проч.). Академики эффективно управлять собственностью, доверенной им государством, не могут; эту собственность никому не отдадут, потому что она – основа их благосостояния. Нужно с этим потенциалом что-то делать. Что? Вести в Российской академии наук внешнее управление.

Кстати, в эту логику хорошо вписывалось и поручение президента РФ В.В. Путина председателю правительства Д.А. Медведеву рассмотреть к 1 сентября 2013 г. вопрос об изменении правового статуса 15 научных учреждений физического профиля. Цель – создание нового механизма проведения и финансирования работ по так называемой «мегасайенс», т.е. науки крупных экспериментальных установок, прежде всего в области ядерной физики и физики высоких энергий. Шесть из этих пятнадцати – инсти-

туты РАН. (Заметим, что поручение это было ответом на письмо еще в декабре 2012 г. тогдашнего президента РАН Юрия Осипова и директора РНЦ «Курчатовский институт», члена-корреспондента РАН Михаила Ковальчука с предложением подумать о возможном юридическом оформлении нового объединения физических институтов).

Конечно, тут есть существенный элемент условности, но ситуацию можно было бы определить как «Атомный проект-2» (по аналогии с советским атомным и космическим проектом).

Этот советский атомно-ракетный проект любят приводить как пример триумфа академической физики. Но при этом забывают или не замечают один важный нюанс, на который обратил внимание историк науки, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории науки и техники РАН Константин Иванов. «Стиль организации научной деятельности, сформировавшийся в довольно многочисленной группе физиков-ядерщиков, работавших в тесном контакте с военными, инженерами и политиками, отличался от общеакадемического стиля... Многие физики-ядерщики, участвовавшие в создании атомной и водородной бомб, одновременно являлись сотрудниками, действительными членами и членами-корреспондентами академии. Однако по собственному признанию президента АН СССР Александра Несмеянова, руководство физическими исследованиями “обеспечивалось, минуя организационные формы академии”... Таким образом, в начале 50-х годов атомный проект выявил внутри академии группу исследователей, главным образом физиков-ядерщиков, которые могли вести себя более независимо по отношению к руководству академии» [5, с. 101].

Сегодня, когда очевидно терпит неудачу концепция инновационного развития экономики России, руководству страны не остается ничего иного, как обратиться к последнему, испытанному институту – военно-промышленному комплексу (ВПК). Вытащить экономику за счет развития ВПК. И шаги в этом направлении, кстати, сделаны уже давно.

Доктор экономических наук Ирина Дежина отмечала еще в 2011 г.: «Какие же приоритеты прослеживаются в структуре бюджетных ассигнований на российскую науку? Один из существенных состоит в том, что соотношение между ассигнованиями на гражданскую и оборонную науку будет меняться в пользу последней. Если на 2012 г. запланированные расходы на оборонные исследования будут вдвое меньше, чем на гражданские, то к

2014 г. соотношение “гражданские исследования / оборонные исследования” составит уже 1,2:1. И, таким образом, структура бюджета приблизится к той, которая была характерна для первых постсоветских лет» [3]. Так оно и произошло.

В конце июня 2018 г. Владимир Путин подписал указ о создании военного инновационного технополиса «Эра» Минобороны РФ. Технополис площадью 17 га будет располагаться в городе Анапа «в целях создания инновационной инфраструктуры и формирования эффективной модели организации научных исследований в интересах укрепления обороноспособности страны». Финансирование ключевых инновационных проектов, помимо бюджета Минобороны, осуществляет Фонд перспективных исследований. А вот общее руководство научно-исследовательскими проектами возложено на президента Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» Михаила Ковальчука. Основное направление деятельности «Эры» – исследование возможностей технологий искусственного интеллекта для их применения в военной сфере. Но не только. Скажем, среди заявленных направлений – нанотехнологии и наноматериалы...

Все, что происходило и происходит сегодня с реформой Академии наук, отнюдь не спонтанный порыв потерявших представление о действительности анонимных правительственных чиновников. И многое было сказано еще в январе – феврале 2012 г.

Это не баловство было

Именно в январе – феврале 2012 г. были опубликованы в СМИ семь предвыборных статей кандидата в президенты РФ Владимира Путина. В первой же из них – «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» («Известия» от 16.01.2012) – Путин подчеркивал: «Меня тревожит, что у нас практически не происходит обсуждения того, что надо делать за рамками выборов, после выборов. На мой взгляд, это не отвечает интересам страны, качеству развития нашего общества, уровню его образования и ответственности». И далее: «Но в более глубоком долгосрочном смысле нынешние проблемы носят вовсе не конъюнктурный характер. По большому счету то, с чем сегодня сталкивается мир, – это серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности.

И, безусловно, этот период будет длительным и болезненным. Здесь не надо питать иллюзий».

Очевидно, академики и академия не отнесли эти слова на свой счет. Но уже в следующей статье – «О наших экономических задачах» («Ведомости» от 30.01.2012) – Путин конкретизирует: «Иметь экономику, которая не гарантирует нам ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния, – для России непозволительно. Нам нужна новая экономика с конкурентоспособными промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе. Нам необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики, найти и привлечь необходимые для нее огромные материальные и кадровые ресурсы. <...>

Для возвращения технологического лидерства нам нужно тщательно выбрать приоритеты. Кандидатами являются такие отрасли, как фармацевтика, высокотехнологичная химия, композитные и неметаллические материалы, авиационная промышленность, ИКТ, нанотехнологии. Разумеется, традиционными лидерами, где мы не потеряли технологических преимуществ, являются наша атомная промышленность и космос. Список не закрыт – все зависит от конъюнктуры мирового рынка и не в последнюю очередь – от инициативы предпринимателей и работников самих отраслей».

И уж совсем – в огород академической науки: «Восстановление инновационного характера нашей экономики надо начинать с университетов – и как центров фундаментальной науки, и как кадровой основы инновационного развития. Международная конкурентоспособность нашей высшей школы должна стать нашей национальной задачей. <...> Российские исследовательские университеты должны получить ресурсы на научные разработки в размере 50% от своего финансирования по разделу “Образование” – как их международные конкуренты. <...> Для РАН, ведущих исследовательских университетов и государственных научных центров должны быть утверждены десятилетние программы фундаментальных и поисковых исследований. Но такие программы надо будет защищать, а по ходу их исполнения – регулярно отчитываться. Не перед чиновниками Минобрнауки – перед налогоплательщиками и научным сообществом с привлечением авторитетных международных специалистов. А в случае, когда речь идет об оборонных и других разработках, в которых непосредственно заинтересовано государство, – перед руководителями страны».

Правда, тут же Путин как бы создает академикам пространство, – строго ограниченное и хорошо контролируемое, – для маневра: «Преимущественное развитие исследовательских университетов не означает пренебрежения ролью Российской академии наук и государственных научных центров. Наоборот, устойчивое развитие институтов РАН возможно только в условиях, когда они могут выбирать себе сильное пополнение».

Но это почти все, что будущий президент счел возможным сказать о фундаментальной науке в целом и РАН в частности в своих предвыборных статьях. Директор одного из аналитических центров, пожелавший сохранить анонимность, в беседе со мной сообщил свое видение ситуации: «В семи предвыборных статьях Путина в отношении образования и науки разная картина получилась. По образованию есть относительная системность. То есть образование как отдельное явление в этих статьях рассматривается. И про него есть какой-то относительно целостный взгляд. А наука нигде как целостность не рассматривается. Наука кое-где упоминается, например, про жилищное строительство, в том числе – для молодых ученых. Единственное место, где относительно “густо” про науку сказано, – два абзаца, – это оборонно-промышленный комплекс. И в этом смысле все, что сейчас осуществляется, находится в русле единой логики. Все это звучало и в 2010, и в 2011 г. ...И это не баловство было».

Замечу, что многое из сказанного выше исходит из предположения о хотя бы относительном единстве академической корпорации, ее гомогенности. В то же время очевидно, что это сильная идеализация. Беда в том, что социология (а равно – психология и философия) науки в России не «опускается» до изучения таких тонких механизмов устройства научного сообщества. Есть только отрывочные сведения, результаты исследований на случайных фокус-группах. Немного утрируя, скажем, что мы не знаем устройства собственной науки в стране. Справедливости ради надо отметить, что в Санкт-Петербурге с 2009 г. издается тиражом в 300 экземпляров интересный ежеквартальник – «Социология науки и технологий». Есть ежеквартальник, издаваемый Институтом психологии РАН («Психологический журнал»). Есть журнал, издаваемый Российским научно-исследовательским институтом экономики, политики и права в научно-технической сфере («Наука. Инновации. Образование»). Выходит ежегодник «Наукovedческие исследования». Но это, пожалуй, и все.

«Конечно, РАН никто не разгонит»

Период с начала 2018 по начало 2019 г. по многим параметрам, – формальным и символическим (к последнему я отношу смерть 1 марта 2019 г. академика Жореса Алферова), – можно считать окончанием реформы академической науки в России. Пять полных лет, – и даже немногого больше, – вполне достаточный срок, чтобы оценить результаты этой системной реформы.

Вице-президент РАН Алексей Хохлов в начале 2018 г. заявил: «Российская академия наук сегодня вообще никаких научных тем не ведет. РАН является федеральным государственным бюджетным учреждением, но РАН не является федеральным государственным бюджетным учреждением науки. У нас научных тем нет. У нас другая функция». Какая же? «Академия наук должна иметь какие-то ресурсы, чтобы влиять на научное руководство институтами. Эта программа реализуется. В том числе через механизм проверки выполнения институтами госзаданий. Но это совершенно не означает, что институты надо ставить под эгиду РАН» [9].

Похоже, в эти пять лет многое и кардинально изменилось не только в устройстве системы фундаментальных исследований (академической науки), но и в устройстве академического менталитета. Неудивительно, что анонимные наблюдатели в Telegram-каналах, посвященных научной и образовательной политике, комментируют нынешнее состояние РАН снисходительно-пренебрежительно: «...конечно, РАН никто не разгонит. Однако она окончательно станет совещательным органом с представительскими функциями. Тот самый «штаб» плюс немного научной дипломатии и популяризации. Доклады, записки и прогнозы – это все не столь серьезно... Академия наук проиграла, реформа завершена. В новой структуре управления наукой роль РАН будет неизбежно и неуклонно снижаться. Смеем утверждать, что при адекватном функционировании нового Миннауки (Министерства науки и высшего образования РФ. – *А.В.*) это и к лучшему... Более объективно вероятным (чем реальный штаб всей науки) видится будущее РАН как некоего экспертно-консультативного органа с функциями общего согласования планов научной работы при Миннауки».

Судя «по почерку» и стилю, это мнение молодых политтехнологов-технократов, сдавших в свое время ЕГЭ на 100 баллов и уже имеющих источники информации в правительственных и кремлевских кругах. А может быть, и сами из этих кругов –

сегодня бюрократические карьеры делаются быстро. Но как минимум в одном они правы: «Академия наук проиграла, реформа завершена»...

Подобное отношение к науке исторически всегда было свойственно обществам в моменты социальных трансформаций.

В 1667 г., т.е. через семь лет после государственного переворота и реставрации монархии в Англии, Томас Спрэт, историкограф Лондонского Королевского общества (первая в современном смысле организация ученых) отмечал, что некоторые противники традиционной (древней) учености призывали упразднить и Оксфорд, и Кембридж. «Они недавно пришли к выводу, – пишет Спрэт, – что невозможно ничего достичь в новых открытиях, пока не будут отвергнуты все древние искусства и упразднены их колыбели. Но опрометчивость поступков этих людей скорее вредит, чем помогает тому, чего они стремятся достичь. Они с такой яростью принялись за очищение философии (термин “философия” в то время фактически эквивалент термину “естествознание”. – А.В.), как наши современные zeloty – за реформацию религии. И обе партии достойны порицания. Ничто их не удовлетворит, кроме полного уничтожения, с корнями и ветвями, всего, что имеет лицо древности...» [2, с. 39].

В 1920 г., на третьем году после Октябрьского переворота в России, академики, которых тогда было не более 50 человек, в записке советскому правительству вполне трезво констатировали: «Ясно, что если одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России. Но такой выход вряд ли может быть кем-либо засчитан нормальным и желательным...».

Более свежий пример – выступление Н.С. Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС в 1964 г.: «Товарищи, для политического руководства, я считаю, у нас достаточно нашей партии и Центрального Комитета, а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чертовой матери Академию наук, потому что Академия наук, если так говорить, нам не нужна, потому что наука должна быть в отраслях производства, там с большей пользой идет, это нужно было для буржуазного русского государства, потому что этого не было. Сейчас, в социалистических условиях, это изжило себя, это придаток, и проявляет он себя довольно плохо...». В октябре того же года на таком же пленуме ЦК КПСС Никиту Сергеевича Хрущева сместят со всех постов и отстранят от власти...

В 2002 г. академик Николай Шмелев возвращается фактически к тому же, с чего начинали его коллеги в году 1920-м: «Инстинкт выживания нации подсказывает абсолютный, бесспорный приоритет для страны на обозримую перспективу: необходимость во что бы то ни стало сохранить главный национальный капитал и главную гарантию дальнейшего достойного существования России – ее мозги. Надо смотреть правде в глаза: даже если далеко не все еще в нашей науке и в сфере НИОКР рационально (улучшения и всяческие коррекции здесь, конечно, могут и должны быть), Россия, исходя прежде всего из интересов национальной безопасности, обязана сохранить свою Академию наук...» [10, с. 506].

То, что не сумел (или не успел) в 1964 г. сделать Никита Сергеевич Хрущев – ликвидировать Академию, с успехом реализовал в 2013 г. Дмитрий Викторович Ливанов, министр образования и науки РФ на тот момент: «В РФ создается основанное на членстве общественное государственное объединение “Российская академия наук”...».

Понятно, что двигало и движет всеми реформаторами науки, – желание получить быструю, осязаемую выгоду от занятий наукой. Осознанно или нет, но науку, примерно с начала 1970-х, «нагло представляют как индустрию, источник выгоды и экспортной выручки, как область конкуренции, когда страны, университеты и школы оцениваются по результативности» [8, с. 125]. Английский социолог Гай Стэндинг относит эти слова в основном к западным социально-экономическим системам. Но мы можем совершенно обоснованно экстраполировать это заключение и на современную Россию.

У нас в стране школьное образование – индустрия услуг официально; высшее образование – откровенный бизнес (зачастую – криминальный). В 2013 г. эта тенденция была распространена и на фундаментальную науку *de jure*: ей тоже предъявили ультиматум – стать успешным бизнес-проектом или... превратиться в источник прекариата для товарной экономики. («Прекариат», от англ. *precarious* – нестабильный, стоящий на песке).

Легкая – а может быть, и не легкая – эйфория охватила Российскую академию наук (по крайней мере, большую ее часть), когда 15 мая 2018 г. была объявлена новая структура правительства РФ. Министерство образования и науки РФ расщепили на Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования РФ. Но главное – ликвидировано столь нелюбезное

академическому большинству Федеральное агентство научных организаций – ФАНО. Функции агентства переданы в Миннауки.

Если суммировать, то общее настроение научных работников РАН сводилось к тому, что новая структура по управлению наукой будет самостоятельной и без сложившегося доминирующего влияния ФАНО («ассимилирует» ФАНО), а вопрос возвращения исследовательских институтов под эгиду РАН станет в повестку дня...

Можно понять, какой шок испытало научное сообщество после назначения 18 мая 2018 г. М.М. Котюкова министром науки и высшего образования РФ. ФАНО фактически не только не распалось, но основное ядро сотрудников благополучно перетекло в Миннауки с повышением статуса. Сам М.М. Котюков явно получил дополнительные «килограммы» к своему административному весу, в том числе и в вопросах формирования бюджета на исследования и разработки. Почти сразу же СМИ стали называть его – «министр-технократ прорыва». Возможно, это ему и приятно. Но быть, «министром, ответственным за научно-технологический рынок» – это и серьезный риск. «Рывок» – это всегда подразумевает высокую степень непредсказуемости последствий. Скажем, в 1970 г. расходы на науку из госбюджета и других источников составляли 4% от ВВП; в 1980-м – 4,8%, а в 1988 г. СССР вкладывал в аналогичный заявленному нынешнему научно-технологическому рынку 6% ВВП. Не помогло...

А что с идеей возвращения исследовательских институтов под эгиду РАН? О ней можно забыть. Научные организации перешли, если можно так сказать, от удельного барина (ФАНО) во владение барина федерального масштаба – Министерства науки и высшего образования РФ. Это фактически подтвердила и курирующая научную сферу вице-премьер правительства РФ Татьяна Голикова. «Я хочу сразу заверить вас, что, несмотря на разделение полномочий, учреждения, которые находились в непосредственном ведении ФАНО – вне зависимости, относятся они к школьному образованию, дошкольному образованию, среднему специальному образованию, – они все равно останутся в ведении вновь образованного Министерства науки и высшего образования, т.е. они не будут переданы в Министерство просвещения», – заявила Голикова, выступая 5 июня 2018 г. на заседании Президиума РАН. Институты Российской академии наук, ранее подчинявшиеся ФАНО, будут в полном составе переданы новому Министерству

науки и высшего образования без каких-либо исключений, заверила вице-премьер. Круг замкнулся.

Комментируя по моей просьбе эту ситуацию, академик Михаил Пальцев отметил: «Без институтов РАН не способна полноценно работать. Это как голова профессора Доуэля, которая живет и без рук, и без ног. Стратегия на отделение научного управления Академии от научно-исследовательских институтов, предложенная реформаторами, оказалась порочной».

Лишенная окончательно своих институтов, РАН становится неким аналогом Дома русской науки – необходимая бюрократическая структура для перевода взносов в международные научные организации. Окончательно: РАН – штаб (клуб), хотя и довольно большой – около двух тысяч человек. Чтобы вести клубную историю, нужна клубная администрация: историограф, архивариус, библиограф. В нашем случае – это Президиум РАН и его аппарат, не более 500 человек.

Позволительно будет и такое сравнение: раньше Академия наук была всего лишь надстройкой, – хотя и грандиозной, – вырастающей из унавоженной почвы. Теперь РАН – искусственная конструкция, к тому же не столь грандиозная, висящая в воздухе и питаемая на принципах гидропоники: углекислый газ, жидкое удобрение и свет – госбюджет, гранты и оплата за оказанные услуги бизнесу (с последним, впрочем, всегда было сложно).

Список литературы

1. Алдошин С. Происходит вопиющий акт уничтожения не только Академии наук, но и российской науки // Правда.ру. – 2013. – 28 июня. – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/news/society/1163237-aldoshin/>
2. Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции / пер. с англ. Ю. Гольдберг. – М.: КоЛибри, 2018. – 656 с.
3. Дежина И. Инновации за счет милитаризации // Независимая газета. – 2011. – 23 ноября. – Режим доступа: http://www.ng.ru/nauka/2011-11-23/9_innovacii.html
4. Дмитриев И.С. «Союз ума и фурий». Французское научное сообщество в эпоху революционного кризиса конца XVIII столетия и Первой Империи. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – 468 с.
5. Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник РАН. – 2001. – Т. 71, № 2. – С. 99–113.

6. Лепский В.Е. Этические аспекты в моделях В.А. Лефевра в контексте эволюции представлений о научной рациональности // Рефлексивные процессы и управление. – 2013. – Т. 13, № 1/2. – С. 26–37.
7. Научно-техническая политика: проблемы формирования и реализации / Фонотов А.Г., Блохин А.А., Соболев Н.А. и др.; отв. ред. Фонотов А.Г.; АН СССР. Ин-т экономики и прогнозирования науч.-техн. прогресса. – М.: Наука, 1990. – 190 с.
8. Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
9. «Широкого фронта научных исследований в России сейчас нет»: Интервью академика А.Р. Хохлова // Независимая газета. – 2018. – 14 марта. – Режим доступа: http://www.ng.ru/nauka/2018-03-14/9_7189_front.html
10. Шмелев Н.П. Социально-экономические перспективы новой России // Европа: вчера, сегодня, завтра / Институт Европы РАН. – М.: Экономика, 2002. – 823 с.